

Альберт ПЛУТНИК

СКОРО о нем вспомнят: 29 февраля писателю Федору Александровичу Абрамову исполнилось бы 80 лет. Юбилей классика — удобный повод для страны продемонстрировать свою не подвластную склерозу «историческую» память. Но вспоминать — не значит помнить. Вспоминают по случаю, помнят без повода.

Время берет свое — Абрамова меньше издают, а значит, и читают. Впрочем, время ли берет СВОЕ или же мы с вами НАШЕ отдаем времени?

Больше года назад в журнале «Нева» появились главы из незавершенного романа Абрамова «Чистая книга». Пятнадцать лет спустя после его смерти. Знаменитый сочинитель, как бы отдохнув от небытия, вновь возник перед старыми и новыми современниками. Он хотел подказать им, как надо жить, чтобы жить, а не мучиться. Чтобы отвести от России ее «историческую беду», которую сформулировал так: «мы раньше научились умирать, чем жить».

Жизнь заставила (вернее, смерть) показать нам, так сказать, подрабать. Самым заметным откликом на публикацию, полным любви и сочувствия к автору и его героям, стала заметка в районной газете «Пинежъ», на архангельской родине автора. Ее написала Пелагея Олькина, многолетняя обитательница местного инвалидного дома. Более именитые издания и авторы промолчали.

Угасание известности

МЫ БЕСЕДУЕМ с Людмилой Владимировной Крутиковой-Абрамовой в той петербургской квартире, которую Федор Александрович получил за полгода до смерти.

— Я пережила в своей жизни две страшные трагедии — когда в оккупации скончался мой ребенок... И вот — смерть Федора Александровича... То, что не закончена «Чистая книга», — тоже трагедия. Господи, почему у России она отнята? А то, что так встречена публикация... Сама поражаюсь...

Писатель, открывший для страны и мира архангельский Север, далекое село Верколу, в каждую избу которого заглянула не улыбающаяся российская история, умер 14 мая 1983 года, 63 лет от роду. Меньше 17 лет прошло... Сигнал угасания известности. Уже не первый. В девяностые годы издавалось его собрание сочинений в шести томах. По мере выхода новых томов их тиражи катастрофически таяли. Первый успел появиться еще в советское время — 200 тысяч экземпляров, последний увидел свет в 1995 году — 6 тысяч. Издание будто входило в твердые слои атмосферы, постепенно сгорая и теряя вес. Умерший классик оказался на перепутье проблем экономики и политики. Донидаемый при жизни цензурой, он вдруг столкнулся с ней и после ее ликвидации. Прежде не публиковавшиеся впечатления о поездке в США, оказались, и теперь не так просто напечатать. Ведущие журналы, включая родной для Абрамова (при Твардовском) «Новый мир», возвращали вдове рукописи — мол, в редакционных портфелях полно «заметок путешественника».

Людмила Владимировна возмущается: «Авторов много, но Абрамов-то один». И так, пока еще имя Абрамова говорит о многом. Но многим ли? А ведь этот автор меньше всего походил на прописных лауреатов-конъюнктурщиков, создателей модных времянок. Притом что его книги и сценическая диалогия «Братья и сестры» отмечались Государственной премией. Поставленные «по Абрамову» спектакли шли с громким успехом. Притом что относительно его сочинений и самые именитые

критики, при всем их разномыслии, сходились во мнении: они будут жить и в XXI веке. Дмитрий Сергеевич Лихачев выделял Федора Абрамова даже в созвездии российских писателей-деревенщиков. Объяснял, что представление о нем как о писателе деревенском несправедливо: поставленные им этические проблемы — всенародны.

И современник, и соотечественник, но жил и умер — в другой стране, в другую историческую эпоху. Это в астрономии год равен году, но не в политике, не в общественной жизни. Он жил и творил в эру других приоритетов. А смена произошла в годы, которые он уже не застал. Мог ли этот автор глубоко нравственных книг прийти к вкусу эпохи свободных нравов? Нужен ли Абрамов такой современности?

Родина помнит, но — плохо

— ЧЕЛОВЕК стеснительный, на удивление застенчивый, не уверенный в себе, Федор Александрович никак не мог поверить, что он — настоящий писатель, — говорит Людмила Владимировна. — И вот на свое 60-летие получает лавину поздравлений — от самых знаменитых и абсолютно безвестных людей. Тогда и записывает в дневнике: сегодня почувствовал, что я — настоящий писатель, меня любят, меня знают... Я его ругала: господи, да неужели надо было устроить такой юбилей, чтобы ты уверился в своих силах.

Она мечтает написать книгу — легко ли быть женой писателя. Если тезисно пересказать замысел... Женой вообще-то быть нелегко. Как и мужем. Но жена писателя повенчана и с его творчеством. Литератору, претендующему на общественное признание, требуется заслужить прежде всего признание у своей первой читательницы — жены.

— Федор Александрович мне все свое показывал. Черновики, наброски. Я говорила то, что думала, — это сырое, пусть отлежится, а это уже можно предлагать. Он всегда считался с моим мнением. Хотя иногда взрывался. «Ну, пиши тогда сама».

Они вместе, в 1938-м, поступили в университет. В 41-м, когда кончили три курса, он ушел в ополчение, а она уехала в Харьков, попала в оккупацию, чего ей впоследствии долго не прощалось. Их роман «на двоих» начался в 1949 году. Разстались в обиде друг на друга и снова встречались, благодарные друг другу. Это был ее второй брак.

Она — литературовед, специалист по Бунину, которым занялась в пятидесятые годы, когда в учебниках его клеймили белоземитом, что и было отъемом о его творчестве. Защищая диссертацию не стала — это отвлекло бы от той работы, которую считала более важной, — помогать мужу.

— Когда напечатали его «Дом», не было даже разгромных статей. Абрамова стали замалчивать, душить подушками, как он говорил. Потом вступ в «Литературке» проклюнулась статья... Я возмущалась. Села писать ответ. Федор Александрович не одобрял — что ты, говорил, тратьешь время, ведь никто не напечатает. Я ему отвечала: ну и пусть не напечатает. Пишу, во-первых, для тебя. Чтобы ты знал, какую великую книгу написал. А во-вторых, для вечности.

Людмила Владимировна смеется, но невесело. Скорее потому, что предполагает — ее слова, в которые сама свято верит, могут показаться забавными собеседнику.

Это ее усилиями Абрамов похоронен там, где он хотел. В красивейшем уголке родной Верколы, у своего дома. И это в то время, когда хоронить разрешалось только на кладбищах. На его могиле — памятный камень с крестом, установленный еще в юды повального атеизма.

Когда муж умер, сказав на проща-

Людмила Владимировна и Федор Александрович, Веркола, 70-е годы

Недописанный роман

Общая ред. - 2000 - 24 апр. - с 8.

Заметки по поводу юбилея Федора Абрамова

ние: «Живи за двоих», Людмила Владимировна действительно стала жить и за себя, и за него. За себя — для него. И за него — для него. Пять лет жизни отдала, ведя раскопки только в рукописях и заготовках к роману «Чистая книга». Удалось выпустить в свет и таившиеся в бумажных залежах короткие рассказы, выдержки из дневников, записных книжек, писем. К наступающей дате подготовила сборник «Юбилейный венок Федору Абрамову». Мэрия обещала помочь в издании, определив тираж в 500 экземпляров. Да и то при условии, что не потребуются оплачивать труд ни редактора, ни корректора... Спонсоров для другого сборника — «Земля Абрамова», с прощальными словами о писателе, так и не нашла. Издавать будет за свой счет. Спешит, торопится довести до сведения «благодарных потомков» как можно больше сведений о писателе.

— Мне самой уже под восемьдесят, а кто еще займется этим?

А в самом деле — кто? Кто другой согласился бы нести основную нагрузку хранителя памяти писателя, ее муж?

После смерти Ф.А. Абрамова была создана комиссия по его литературному наследию. В нее вошел и знаменитый истинно партийный критик Ф. Кузнецов. Под стать прочим официальным хранителям наследия ничего не делал из того, что предписывалось. Но правильно сортировал Людмилу Владимировну: «Феликс сразу мне сказал: «Знаешь, Люся, что ты будешь делать, то и будет делаться». Я поняла, что никакой помощи мне не будет, и все стала делать сама». Родина помнит... Но Родина как таковая ничего помнить не может. Это же не человек и не компьютер. У нее и памяти-то нет. В каждом конкретном случае кто-

то должен стать ею, Родиной, ее коллективной или персональной памятью... Не найдется желающих — Родина, не моргнув глазом, забудет и самого замечательного своего сына.

Художнику сегодня не потрясти Россию

НЕИЗБЕЖНА трагедия таланта, проживи он хоть сто лет, — трагедия недосказанности, оборванности на полуслове. Но если жена убеждена, что ее муж наполовину создал нечто небывалое по таланту и силе изображения, то почему общество должно разделять это мнение? А ведь вдова и всем нам выражает соболезнование, и нам сострадает по поводу недосказанности «заветного слова». Но, может, нам-то она — зря? Нам, читательской массе, тоже не пожелаешь вслед за критической массой, то есть за сообществом промолчавших критиков, увидеть в публикации глав хотя бы простой повод сказать о писателе доброе слово?

Лично я абсолютно не уверен, что если бы он, писатель Абрамов, довел до последней точки заветное повествование, то реакция на публикацию сильно отличалась от нынешней. А вот в другом убежден. И одари он стопроцентным шедевром нашу в прошлом самую читающую страну, все равно сегодняшней современник не кинулся бы искать журнал с романом. Не менял бы и самые скучные, самые лживые программы теленовости на чтение и самого правдивого, превосходно написанного сочинения. Коллективным потрясением, неким будоражающим сознание миллионов общественным явлением оно в любом случае не стало бы. И не только потому, что в век бестселлеров шедеврам, так ска-

зать, нечего делать. И не писателя в этом винить. Не в нем дело. А в той почве, на которую упадет его слово. Эта почва — наша жизнь и наше общество. Его нравственное состояние. Его новые вкусы и новые потребности, среди которых интеллектуальная потребность умнеть и понимать — не из первейших.

Было и прошло время, когда общество жадно внимало голосу художника. Можно сказать, смотрело ему в рот, готовое в очередной раз воспламениться от незримого огня вдохновения, как сухой хворост от спички. Вспомним появление таких книг, как «Один день Ивана Денисовича» Александра Солженицына. Или «Дети Арбата» Анатолия Рыбакова. Бывало, публикации, фильмы, театральные премьеры вызывали в обществе эмоциональный взрыв, общенациональную дискуссию. Избо волновали не одних литературных гурманов или завязатых театралов.

Эпоха Горбачева ознаменовалась многими духовными открытиями — к нам пришло русское зарубежье: поэты, писатели, философы. Богатейшая россыпь «инакомыслящих» талантов, прежде третируемых на родине. Явлением становились и «Встречи в Останкино». Одной из наиболее ярких была, между прочим, встреча с Абрамовым, эффект которой оказался таким непредсказуемо сильным, что ее не решились показать повторно... Это в прежние застойные времена поэтические вечера в Политехническом, «бунтарские» выступления поэтов — любимцев публики и памятника Маяковскому могли встряхнуть всю страну, всколыхнуть общественную жизнь. А что же теперь? Прежде вспоминали тех, кого вынуждали забыть. Теперь забываем и тех, кого не запрещается помнить.

Сколько ни ломайте голову — не вспомнить ни единого случая, чтобы в послегорбачевской России художественное произведение возымело эффект национального явления. Может, потому, что опровергнут тезис Абрамова, записавшего как-то в дневнике: «На Западе больше талантов, в России — гениев. Условия жизни в России (народные) были таковы, что только гении могли подняться, преодолеть все трудности». Может, с изменением условий талантов стало больше, чем гениев? А появление талантов для нас — явление столь частое, что выглядит рутинной? Не стоит и внимания обращать? Свобода слова, плюрализм мнений, отсутствие политической цензуры... Поразительно: когда многое запрещали читать — многие читали, сейчас разрешают все — читают немногие. Или содержательнее произведение, с особой свирепостью оберегаемое цензурой? Для поощрения любознательности потенциальных книголюбов, может, стоит вернуть Главлит?

Кумиры и властители дум

В ТОМ наследии, которое оставило нам наше не самое светлое прошлое, кажется, само время производит инвентаризацию. В литературе, которая издавна считается наиболее обжитой гениями российской территорией, конкуренция за попадание в будущее особенно жесткая. Тем более учитывая, как основательно сокращается теперь в людском сознании то пространство, которое отводилось отраженной, измышляемой жизни. Настоящая жизнь затмила литературу. Жизнь с новыми правилами игры и игрой без правил, с пучками, наркоманией, СПИДом, олигархами, дефолтом... Эта жизнь плеснула в толпу такой россии непридуманных сюжетов, перед которыми меркнет и самый правдоподобный, самый талантливый вымысел. И самая продаваемая фантастика не вызовет в обществе эффект разорвавшейся бомбы, когда такой эффект вызывает... сама разорвавшаяся бомба. Свидетель и участник событий в Грозном становится вдруг более выдающимся рассказчиком, чем и весьма известный автор сборников новелл.

Абрамов писал про свой и наш день: «Все лучшие умы, таланты, гении — в высших сферах, в поисках и отгадках сугубо отвлеченных, философских вопросов: что такое человек, зачем он на земле, в чем смысл жизни и т.д. А кто делает, творит повседневную жизнь? Кто подвизается в роли государственных мужей, кто занимает ключевые позиции? Серые, бескрылые люди». С садистским удовольствием публика убеждает сегодня в правоте этих слов, наблюдая по телевизору за дебатами в Думе, где заседает элита, цвет нации. Увы, преобладающие серые. Только теперь, обнаружив таковых у власти, у нас с вами меньше оснований пенять на кого-то. Наши избранные. Не присланные из ЦК, не президентом назначенные — нами.

«Я преисполнен такого доверия к руководству, что мне безразлично, кто станет первым секретарем», — иронизировал Федор Абрамов... А нам — все-речь безразлично, кого выбираем? Считайте, наши выдвигенцы, плоды нашей с вами кадровой политики сейчас с небывалой щедростью потчуют нас своими взглядами, позициями и точками зрения. Такой пламенный трибун, как «рабочий» Шандыбин, нравочует всероссийскую аудиторию с постоянством телеведущего, имеющего «в прайм-тайм» свою программу. Будто и Солженицыну не грех поучиться, чтобы ему вновь предоставили отнятую трибуну. Теперь принято глупости цитировать не реже, чем раньше цитировали Ленина и Брежнева. Но всего любопытнее — появившись сегодня на экране кто-то из «умников и умниц», скорее выключим телеви-

зор, чем когда весь вечер на арене нас забавляют политические клоуны. Нас увлекает своей общедоступной пустотой, своей ослепительной бессодержательностью эта атмосфера нарастающей бездуховности.

Теперь у всех на слуху одни и те же фамилии — и далеко не всегда лучших из нас. А ведь в былые годы как будто понимали — в «общественном обороте» должно быть куда больше имен. И не одних «вождей», но и тех, на чьем куда более подходящем примере следует, простите за архаизм, воспитывать юную смену — героев войны, покори-телей космоса, авторов легендарных литературных агиток, начиная с Николая Островского... Или задача себя исчерпала?

Духовные авторитеты с приходом демократии вдруг вымерли, как мамонты. Их не видно и не слышно. Не потому же, что на наш век не хватало достойных. Но такое у нас с вами сложилось гражданское общество — не требуются ему никакие властители дум, хватает и просто властителей... Интеллигенция расплавляется за образ действий тех своих представителей, которые, сблизившись с властью, были угодливы и корыстны.

Сегодня, без лишнего слов обязав художника освободить место властителя дум, ему фактически указали на его место. На эту роль давно уже пробуются другие деятели другого искусства: политики и олигархи. Они будто сами, между делом, по совместительству, взялись создавать духовные ценности. Не обессудьте, как умеют... Теперь, какую область деятельности ни возьми, всюду свои олигархи — от бизнеса, от политики, от культуры. Загородили всех. За нами никого не разглядет.

Прогресс страны, считал Абрамов, определяется тем, насколько втянута в работу голова массового человека. В отсталой стране у подавляющего большинства используются только руки, а голова в бессрочном отпуску. Увы, по головке тех, у кого голова лишь формально присутствует на плечах, не уменьшается. А потому возрастает нужда в кумирах и убавляется во властителях дум. Кумир не заставляет думать. И в этом его преимущество. Он скорее парализует мысль, в отличие от властителя дум, ее пробуждающего.

Но общество не может безучастно взирать на то, что именно, что за личности приобретают ранг национальных кумиров, и.о. властителей дум. Ему, обществу, надо полагать, не все равно, и какой автор становится наиболее читаемым и почитаемым. Рынок есть рынок, но покупателям требуются ориентиры, чтобы не оказаться одуроченными рекламой.

Коммерческий бизнес давно уже понял, что, скажем, звезд эстрады надо создавать. Надо РАСКРУЧИВАТЬ тех, на кого делается ставка. Государство в прошлом тоже шло по этому пути — награждать орденами ДОСТОЙНЫХ, присуждать премии ИЗБРАННЫМ это тоже была своего рода раскрутка наиболее лояльных мастеров слова, резца и кисти. Да и теперь время от времени сворачивает на давно проторенную дорожку. В той же области присуждения наград и званий. Открывая индивидуальные музеи живых и здравствующих художников. Ведя «протекционистскую политику» по отношению к работам отдельных скульпторов. На что же надежда, если отбор достойных в историю и сегодня скорее субъективен, чем объективен? Надежда на саму жизнь, на меняющееся общество.

А память потомков — во многом компьютерная. Вспомнить и оценить они способны лишь то, что заложено в них, как некая программа. Абрамова потомки не забудут, но важно, чтобы помнили и мы с вами.. Не стоит думать, что тому, кто умолк навсегда, нечего нам сказать, что в его «романе с современниками» поставлена последняя точка.